

В. А. Моржухин

Специфика психоделического дискурса в прозе Павла Пепперштейна

Автор анализирует проблематику русского психоделического дискурса на примере сборника Павла Пепперштейна «Военные рассказы», концептуального и малоизвестного произведения современного психоделического реализма. В процессе анализа исследователь выявляет в прозе Пепперштейна оригинальные принципы построения образа психоделического героя и создания психоделического пространства.

Ключевые слова: психоделическое, концептуализм, галлюцинация, сознание, психика, контекст, культура, герой, автор, революция, иллюзия, пространство.

V. A. Morzhukhin

Specificity of a Psychedelic Discourse in Pavel Peppershtein's Prose

In this article the author analyzes problematics of the Russian psychedelic discourse. It's used an art material of "The military stories" by Pavel Peppershtein. This book is a conceptual and little-known art product of modern psychedelic realism. In the course of the analysis the researcher reveals original features of the psychedelic hero and the psychedelic spatial structure in Peppershtein's prose.

Keywords: psychedelic, conceptualism, hallucination, consciousness, mentality, context, culture, a hero, an author, revolution, illusion, space.

Павел Пепперштейн по праву считается знаковой фигурой русского психоделического реализма, однако до сих пор в литературоведении мы не находим четкого анализа специфики его психоделической «программы». Обращаясь к исследованию дискурса измененных состояний сознания в сборнике Пепперштейна «Военные рассказы», мы попытаемся выявить специфические особенности психоделического дискурса в литературоведческом и культурно-историческом аспектах. Научная новизна данной работы состоит в том, что в ней психоделический дискурс в творчестве Пепперштейна рассматривается на фоне «классической» психоделической традиции западной литературы второй половины XX в.; акцент сделан на том, как писатель трансформирует и перерабатывает ее художественные принципы на различных уровнях своей поэтики. Прежде всего мы обращаемся к рассмотрению образа героя, особенностей построения психоделического пространства, сосредотачивая внимание на новаторском осмыслении Пепперштейном самого понятия «психоделия» в художественно-философском плане.

Образцы психоделической словесности известны еще с XIX в.: «Исповедь англичанина, любителя опиума» (1822) Томаса де Куинси,

«Искусственный рай» (1860) Шарля Бодлера. Психоделические художественные практики и само понятие «психоделия» приобретают особое социокультурное значение на Западе в 1960-е гг. (романы Карлоса Кастанеды, литература beat generation), что стало основой первой психоделической революции. Можно сказать, что в литературе данного периода формируется особая психоделическая модель поведения героя. Прежде всего, это роль мученика, безумца, открыто порывающего с навязанными правилами общества потребления и противопоставляющего ему иррациональную энергию своего внутреннего космоса, своего свободного выбора.

Подлинный расцвет русского психоделического дискурса произошел только в конце XX в. в среде московского концептуализма. Однако открытый интерес русских писателей и поэтов к наркотической тематике можно обнаружить еще в Серебряном веке с его «модой» на кокаин: «кокаиновая» лирика А. Вертинского; наркотические «отголоски» в поэзии А. Блока; трагическая повесть «Морфий» (1927) М. Булгакова (у него же можно найти описание торговли кокаином в пьесе «Зойкина квартира» (1925), а также многочисленные упоминания кокаина в «Белой гвар-

дии» (1925)); тема «чистейшего порошка» в романе «Гарпагопиана» (1933) К. Вагинова и т. д.

Отправным пунктом русского «галлюциноза» в рамках концептуализма принято считать «Каширское шоссе» Андрея Монастырского. Во многом отталкиваясь от поэтики этого романа, подлинным теоретиком и практиком второй психоделической революции стал Павел Пепперштейн, идеолог арт-группы «Медицинская Герменевтика». Прозаический сборник П. Пепперштейна «Военные рассказы» (2006), на наш взгляд, является наиболее внятной и зрелой манифестацией русского психоделического дискурса, в значительной мере переосмысляющей опыт западной традиции 1960-х гг.

Если слово «психоделика» означает «ясность души», то эта «ясность» достигается в «Военных рассказах» «от противного»: душа омывает себя огромными объемами иллюзорного, в результате чего у нее развивается иммунитет к заведомо неистинному. Причем психоделическая область «иллюзорного» оказывается у Пепперштейна ничем не сдержана, ее креативное самопорождение бесконечно. Если измененные состояния сознания («трипы») героев Кастанеды, У. Берроуза и Хантера С. Томпсона четко противопоставлены их «нормальному» состоянию сознания и всегда разворачиваются на фоне «реального» бытового контекста, то психоделическая модель текста Пепперштейна – это самодостаточное «галлюцинативное путешествие», сновидческая природа которого замкнута сама в себе и не находит «разрешения» в «уравновешенных» формах сознания. Особенно показательны в этом плане рассказы «Стычка в степи», «Живой гроб», «Казантип». С уверенностью можно утверждать, что психоделика в «Военных рассказах» является не столько тематической особенностью биографии и социальной среды героев, сколько типом письма.

Психоделическое мировидение Пепперштейна – это игровое пространство «фантазм-отмычек» (оригинальный концептуалистский термин самого писателя, обозначающий произвольно выбранный образ или сочетание образов, которое приводит к «развертыванию» галлюциноза): «рубин», который неожиданно находит герой Сычов в кармане мертвого немецкого майора («Тело языка»); «тулупчик заячий», который сбрасывает с себя Алла Пугачева («Стычка в степи»).

Характерно то, что галлюцинативные комплексы в «Военных рассказах» не сводятся к применению психотропных препаратов (в отличие от западного психоделического реализма).

Понятие «психоделическое» у Пепперштейна открыто переносится с «фармакологического» на социокультурный контекст. Оно находит и «высвечивает» свое содержание в формах массовой культуры («диснеевский» галлюциноз в рассказе «Живой гроб»; «голлиудский» галлюциноз в рассказе «Америка»); классической литературной традиции (рассказ «Язык» как психоделический «ремейк» гоголевского «Носа»); обыденная жизнь и историческое пространство (усыпанный телами «рейверов» пляж в рассказе «Казантип», порождающий галлюцинативное видение поля боя времен Великой Отечественной войны с погибшими русскими солдатами). В рассказе «Америка», к примеру, психоделическим катализатором являются устойчивые модели массового американского кинематографа. Герой видит себя в кинообразе «супергероя», обладающего некими сверхспособностями: «...они быстро носились по городу (скорости они развивали немыслимые), проносились по зданиям, которые в следующие мгновения должна была снести Волна, по улицам, и «выдергивали» – из толпы, из комнат, из автомобилей, из вагонов подземки – тех людей, которых по каким-то причинам надлежало спасти» [4, с. 78].

В рассказе «Стычка в степи» в пародийно-гротескном ключе выдержано столкновение «образов» американского шоу-бизнеса (Мадонна, Майкл Джексон, Бритни Спирс) и русской эстрады (Пугачева, Юрий Антонов). Задается эклектичный жанровый режим, совмещающий в себе, с одной стороны, схему боевика, вестерна, с другой – чисто славянский колорит «военной» повести в духе «Тараса Бульбы» (степь, атаманша). Происходит дисгармоничное слияние массовых и элитарных, «низких» и «высоких» культурных кодов. Пепперштейн подключает дополнительные ассоциативные ряды и усложняет текст аллюзиями на классическую русскую литературу («Капитанская дочка»). «Тулупчик заячий» выступает одновременно как объект массовой и элитарной культуры (известная песня российской группы Любэ «Тулупчик заячий» – деталь пушкинской повести): «Тулупчик... От предка моего достался» [5, с. 27] (Пугачева – Емельян Пугачев). В результате в рассказе создается многоуровневое психоделическое пространство, порождением которого выступают «фантомы» мировой культуры.

Таким образом, катализатором психоделического смыслопорождения в сборнике служит как бескрайнее пространство мировой культуры (от-

метим здесь особый интерес писателя к образам и установкам масскультуры), так и сфера быта героев. Понимание Пепперштейном самой сути «психоделии» оказывается очень широко: «высвечивание» «потусторонних» зон психики достигается в его текстах за счет самого столкновения «Я» героя и автора с разнородными «фактами» социокультурного универсума. Само повествование при этом превращается в ряд не всегда логически и сюжетно оправданных «эксцессов» психогенного сознания.

Анализируя психоделическую «программу» Павла Пепперштейна, стоит отметить, что переосмыслению и трансформации в «Военных рассказах» подвергается и сама «утопическая» модель дискурса западной психоделической прозы. Писатель выражает скепсис по отношению к поискам архетипических истин и фундаментов сознания (стремление к «абсолюту» через измененные состояния сознания героев Кастанеды, Джека Керуака и др.). Следовательно, вектором психоделического освобождения в «Военных рассказах» выступает не коммуникация с собственным глубинным внутренним миром, а свобода в отношении к фантазмам человеческого «Я».

Герои рассказов Пепперштейна – это психоделические агенты, свободно путешествующие в метафорических и семиотических пространствах собственного сознания. И в отличие от «страдающих» в реальных социальных условиях героев-мучеников Берроуза, Гинзберга и Ферлингетти, они совершают свои путешествия в измененных состояниях сознания с волшебной легкостью и не платят за это ничем. Герой Пепперштейна находится в ситуации парадоксального столкновения продуктов деятельности сознания, преобразующихся в психоделические сцены, на которых разворачиваются отдельные сюжетные линии. Можно сказать, что конфликтное столкновение несовместимых разновидностей сознания

в «Военных рассказах» и является креативной пружиной психоделического эффекта. Например, столкновение «голливудского» и «гоголевского» сознания в рассказе «Америка», столкновение «военного» и «окультистского» сознания в рассказе «Тело языка».

Таким образом, мистические практики Дона Хуана, идеалы свободы Дина Мориарти как олицетворение «позитивной» программы психоделического дискурса 1960-х гг. неактуальны для Пепперштейна. В этом плане психоделическим message'м «Военных рассказов» становится недоверие к универсальным связям всего со всем, ощущение дисгармоничной фрагментированности и «болезненности» современной социокультурной среды. Актуальный для писателя «антиглобалистский» посыл напрямую прочитывается в таких рассказах, как «Подвиг модели», «Стычка в степи» и др.

Показательно, что книга заканчивается рассказом под названием «Плач о Родине», в котором символ России вместе с ее огромной и таинственной душой навсегда канул в «небытие», оставив после себя только культурный «мусор»: «Родины больше нет. Остался он – Великий Дебрис, сверкающий поток космического мусора» [5, с. 285].

Библиографический список

1. Гланц, Т. Психоделический реализм: Поиск канона [Текст] / Т. Гланц // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 5. – С. 263–279.
2. Гройс, Б. Московский романтический концептуализм [Текст] / Б. Гройс // А–Я. – Paris: 1979. – № 1.
3. Монастырский, А. (сост.) Словарь терминов московской концептуальной школы. – М.: Ad Marginem, 1999.
4. Монастырский, А. Эстетические исследования. Серия: Библиотека московского концептуализма. Изд. Г. Титов. – Вологда, 2009.
5. Пепперштейн, П. Военные рассказы. – М.: Ad Marginem, 2006.